

Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

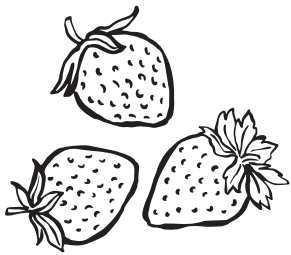
Мария Савельева

Я подарю тебе
сердце

Sugar
Love

Москва
2025

Плейлист:

GERA AMEN — Я ВЛЮБЛЕН
Ночь. Улица. Фонарь — Вишня
Романтика — Нас миллионы
Баста — Сансара
Дельфин — Тишина
Гокки, Norma Tale — Любовь
О!нет — Не переживай
Женя Трофимов, Комната культуры —
Первая любовь
Баста — На заре («Альянс» Cover)
Mescheriat — Лето
Кирилл Коперник — Поспешим
МакСим, Баста — Наше лето
Наше последнее лето — Моменты
МакСим — Знаешь ли ты
Краски — Весна
Losttoyland, Мартгорит — Первая любовь
Король и Шут — Кукла колдуна
Сова — В памяти навечно

Глава 1

Всегда надеяться на лучшее.

Надежда — величина переменная. Она может окрылять, а может сбрасывать вниз. Но вне зависимости от ситуации она будет стоять за нашей спиной, поддерживая и смягчая падение. И ты будешь обращаться к ней снова и снова, ведь человеку свойственно всегда надеяться на лучшее.

ВЕРОНИКА

— Тебе следует себя беречь. Ты должна понимать это. Сегодня просто обморок, а в следующий раз, не дай бог, может случиться что-то намного страшнее. Я выпишу лекарства, но тебе также необходимо исключить любой стресс. Физические нагрузки должны быть умеренными...

Голос, словно сквозь пелену, долетал до девушки, которая, напряженно подняв плечи, сидела на кушетке и шаркала носком кроссовка по серой, неприветливой плитке больницы.

Последние часы прошли как во сне. Привычно

Я подарю тебе сердце

отправившись на утреннюю пробежку, она и не подозревала, что та перевернет ее жизнь с ног на голову. Вероника Скворцова лишь помнила, как воздух привычно наполнял легкие, только распутившиеся листочки кружили над головой, а песок скрипел под ногами, но потом... Каждый вдох стал даваться все труднее и труднее: она почувствовала тупую боль в сердце, от которой казалось, что грудная клетка вот-вот разорвется. Внезапно ее окутала тьма. Очнувшись она уже в карете скорой помощи, где ей сообщили о серьезных проблемах с сердцем.

Разве такое бывает? Ты живешь, дышишь, бегаешь, строишь планы, влюбляешься, целуешься, а потом — бац! Таблетки. Покой. Высокая вероятность внезапной смерти.

Несмотря на будничные тон, во взгляде врача, Антонины Георгиевны, отразилось сострадание, которое еще не погребено под завалами больничной рутины.

— Вероника, ты меня слышишь? Сократить физические нагрузки. Я не говорю вообще перестать заниматься спортом. Тебе лишь надо себя беречь. Отойти от соревнований, тренироваться просто для себя, спокойно, а не на износ.

Голос прозвучал мягко. Ника хорошо его помнила. Он пробирался через детские воспоминания и выносил ее маме точно такой же приговор. Тогда маленькая Вероника сидела на ее коленях, обвивала ручками шею, вдыхала до боли знакомый аромат молока и хозяйственного мыла и хныкала, требуя скорее вырваться из этих душных стен на солнышко. В тот момент она еще не понимала весь масштаб

Мария Савельева

проблемы, даже значение многих слов оставалось для нее секретом. Сейчас же осознание раздирало ей душу. Снова хотелось кинуться к маме на руки, заплакать и попросить вывести из этого жуткого места. Но мамы больше нет. Ее сердце уже сдалось.

— Я не могу бросить спорт... Вы ведь знаете, я капитан. Как же моя команда без меня?.. Да и... нет-нет-нет. — Она замотала головой, впиваясь длинными пальцами в свои растрепанные косы. — Я не представляю свою жизнь без спорта. Понимаете, всегда были я и он, а теперь у меня ничего не останется, — эмоции вырывались из глубины души, но, подняв взгляд, Вероника столкнулась не с пониманием, а всего лишь с сожалением.

— Я не говорю тебе бросать его. Займись чем-нибудь другим, уменьши нагрузку. В конце концов, на волейболе свет клином не сошелся.

Но для Ники он сошелся именно на нем: на игре, которая вызывала зависимость. Там, где команда становится роднее, чем семья; где от криков болельщиков закладывает уши; где теплые объятия встречают тебя после каждого забитого мяча и где ты летаешь по полю, словно за спиной выросли крылья... Если хотя бы один день проходил без игры, руки чуть выше кистей начинали зудеть, требуя привычных ударов.

Волейбол являлся также памятью о маме: о том, как она со счастливой улыбкой наблюдала с трибун за своим солнышком, водила на тренировки, придумывала кричалки и даже рисовала плакаты. А когда она покинула этот мир, осталась лишь игра, хотя

Я подарю тебе сердце

Ника и могла поклясться, что во время матча все еще слышала ее голос.

— Ты уже взрослая, Вероника, и знаешь о последствиях. Если я узнаю, что ты не выполняешь мои указания, то сообщу все твоему отцу.

Ника вздрогнула. Папе она не собиралась ничего говорить. Не сейчас.

Антонина Георгиевна строго на нее посмотрела, будто прочитала мысли, и принялась заполнять медицинскую карту мелким неразборчивым почерком.

— Не надо, я сама папе скажу.

— Ты же учишься на полицейского? На вашем с Мишей месте я подумала бы о переводе в другой колледж, где не требуется физподготовка. — Антонина Георгиевна была одноклассницей отца Вероники, поэтому всегда называла его по имени. — А так тебя к работе просто не допустят на этапе медосмотра. Кстати, ты проходила его в колледже? Я хотела бы посмотреть на заключение...

— Нет, кхм... — перебила ее Ника и откашлялась. — Папа договорился о моем приеме на обучение, и меня взяли без проверок.

Антонина Георгиевна недовольно покачала головой и поджала губы. Михаил Петрович работал участковым и знал столько секретов, скрывающихся у людей в квартирах, что имел рычаги давления на каждого третьего. Поэтому Веронику не удивило, когда он пришел домой и сказал, что уже определил ее в колледж.

Все это время Ника сидела и разглядывала себя в зеркало, которое висело прямо напротив нее на стерильно-белом шкафу.

Мария Савельева

Прямой нос, овальное лицо, губы не сказать чтобы пухлые, самые обычные, как и она сама. Серые, ничем не примечательные глаза чаще всего сверкали лишь от азарта во время игры. Небольшой шрам на виске от прилетевшей в детстве качели и миллион веснушек, что с приходом весны и появлением на небе солнца решили показать себя во всей красе. Светло-русые волосы заплетены в две тугие косички. Под глазами залегли синяки, напоминая своей хозяйке о том, что жизнь ее уже не будет прежней, а станет такой же блеклой и бледной, с прожилками холодно-синего.

Но все же было то, что выделяло ее из толпы, а именно голос. Громкий, тяжелый, обволакивающий, грубоватый. Таким тембром не спеть песню, не достать до верхних нот, не прошептать слова нежности на ушко. Зато такой голос мог построить команду, утихомирить разбушевавшихся девушек, докричаться до судьбы сквозь гвалт толпы. А еще неплохо было бы сидеть за прилавком и кричать: «Зин, а, Зин, штрихкод не пробивается!».

Время подходило к обеду, занятия в полицейском колледже, в котором училась Вероника, уже вовсе шли, поэтому она решила сразу пойти домой, чтобы все обдумать. В спальне творился страшный беспорядок: волейбольная бело-синяя форма лежала на кресле, мяч валялся посередине, кроссовки были небрежно закинута в шкаф.

Она устало упала на кровать, отчего та отпружинила, раскачивая, словно на волнах. Потолок то приближался, то отдалялся, пока тряска окончательно не прекратилась.

Я подалю тебе сердце

Вероника приложила ладонь к сердцу, которое продолжало монотонно стучать, будто не хотело пару часов назад разорваться и покинуть ее.

— Ну что же ты, дружок? Мы с тобой так мало прожили, даже еще не любили толком, а говорят, что это мучительно. Как же мы вытерпим эту боль, если даже не смогли справиться с пробежкой?

Сердце пару раз сильно стукнуло, сбившись с ритма, будто отвечало: «Переживем».

Ника не заметила, как задремала. Когда она открыла глаза, часы показывали половину четвертого. Она быстро вскочила с кровати и принялась закидывать форму в спортивную сумку, по пути нечаянно пнув мяч и угодив прямо в стул, отчего тот с громким шумом повалился.

Несколько раз чертыхнувшись, Вероника поспешила на тренировку, мысленно подсчитывая, как сильно опаздывает.

Забегая в автобус, она умоляла сердце успокоиться, лишь бы как-то унять головокружение, которое до сих пор не покидало ее с самого утра. Ей надо было остаться дома, тем более после сегодняшнего обморока; прикинуться больной. Хотя почему прикинуться? Но ее, словно за веревочку, тянуло в зал. Телефон зажужжал, оповещая о новом сообщении от лучшей подруги.

 Юми: Кэп, что случилось? Тебя не было на парах, а сейчас нет в раздевалке

 Юми: Я знаю, что ты еще та прогульщица, но тренировка...

Мария Савельева

 Вероника: Я уже бегу, все хорошо

Юми была права: Ника терпеть не могла занятия в полицейском колледже, в который ее зачислил отец после девятого класса, даже не посоветовавшись с ней. Он надеялся, что дочь пойдет по его стопам — станет полицейским, но его надеждам не суждено было сбыться. Два года она терпеливо «ползла» по программе обучения, ожидая совершеннолетия, после которого становилась полноправной хозяйкой своей жизни. Месяц назад ей исполнилось восемнадцать лет. Казалось бы, она уже должна была почувствовать запах свободы, но команду оставить Ника не могла. Поэтому решила потерпеть последний — третий — год обучения.

Но было это вплоть до сегодняшнего дня. Что сейчас делать со спортом, Ника так и не решила, но как только двери спортивного зала распахнулись, она поняла, что ни за что не сможет жить без него.

Солнечные лучи проникали сквозь сетку, загораживающую окна от лихих мячей. Пахло только что вымытым деревянным полом и резиной, а еще пылью, покрывающей маты и инвентарь. Команда девушек, как и положено, заняла левую сторону зала, а на правой занимались парни.

Это была ее семья. Она могла поклясться, что знает их лучше, чем своего отца.

Азия, как ее прозвали близкие друзья, или в жизни Юми, — ее лучшая подруга. Девушка азиатской внешности, помешанная на фотографии. Она жила с отцом, мачехой и сводными братьями, что не по-

Я подарю тебе сердце

мешало ей быть всеми любимой. Дома у нее была собрана целая коллекция фотоаппаратов всевозможных марок и годов: пленочные и цифровые. Азия примечала каждую мелочь, могла спокойно подойти к прохожим и попросить их попозировать или неожиданно заявить, что у них чудесная родинка в виде звезды. В ее спальне одна из стен полностью завешана фотоснимками: в основном ее родных и друзей. Ника любила ложиться на пол и рассматривать их. Вспоминать, когда был сделан тот или иной кадр, так как зачастую они сопровождались смешными и неловкими историями. Сейчас Юми разлеглась на матах, обнажив плоский живот и шикарный пресс, которым ни одна из девочек их команды не могла похвастаться. Парни искоса кидали на нее взгляды, стараясь не пялиться в открытую, но ей не было до них никакого дела, так как где-то в Корее ее ждал парень по переписке.

На скамейке сидела Ира. Просто Ира. И вздыхала, глядя на пресс Азии, так как сама она была единственной пышечкой в их команде. Она принципиально не садилась на диету, заявляя, что иначе она будет злой. Однако при этом она смогла перейти на здоровое питание и теперь подкармливала всю команду злаковыми протеиновыми батончиками, которых у нее было немерено. Девушки относились к ней с пониманием и уважением, не давили, как и тренер, для которого была важна стратегия, блокировка и удар. А что-что, блок Ира ставила всем на зависть, а своей фигурой могла закрыть обзор на подающего. На площадке у нее словно вырастали крылья, и никто ее лишнего веса не замечал.

Мария Савельева

Рядом с ней сидели две девушки с рыжими волосами, бровями и ресницами, отчего их светлоглядые глаза казались янтарными. Близняшки Маша и Даша. Играли всегда в связке, потому что действовали так слаженно, что такого мастерства от команды нельзя было добиться годами. А еще они любили путать противника, мельтеша у него перед глазами и меняясь между собой. За эти махинации попадало, конечно же, всем — при условии, если их ловили. В свободное время увлекались гаданиями, вот только результаты у них получались всегда разными, отчего они любили следить за своей «жертвой» и ждать, какой же из их вердиктов окажется достоверным.

Во всю уже стучала мячом Жвачка, или Ася. Она всегда была с розовыми волосами, а во рту неизменно была такого же цвета жевательная резинка. Она часто лопала пузыри, чем выводила из себя всех, особенно соперников. Однако и мяч лип к ее рукам: нельзя было заметить его полет, как он уже отлетал в другую сторону. Ася была сиротой и жила в детском доме. Зимой, как ей исполнилось восемнадцать лет, ей выделили комнату в общежитии, в которую она и переехала. Ася не скрывала своего положения и всегда преподносила информацию о себе с высоко поднятой головой.

Да, бросили. Да, подкинули на порог. Да, она никого из родни не знает.

— Тебе не обидно, что у других есть родители, а у тебя нет? — любили задавать ей совершенно бестактный вопрос.

— А чего обижаться? Спасибо им надо говорить: зато я уже обучена жизни.

Я подарю тебе сердце

Ася мечтала работать в отделе по делам несовершеннолетних и направлять таких же потеряшек, как и она, на путь истинный.

И последняя — Кэт, или Катя. Невысокая, подвижная и самая маленькая среди остальных. Ей было пятнадцать лет, и она последняя прибывшая в их команду. Свободный игрок. Ее скорости можно было лишь позавидовать и восхититься. Она, словно ветер, передвигалась по всему полю от одного игрока к другому. А еще у нее была самая красивая форма — бордовая.

Надежда на лучшее и на ошибку в постановке диагноза ласковой кошкой свернулась в калачик в районе солнечного сплетения. Единственные радости жизни — ее команда и волейбол — перевешивали здравый смысл. Она не представляла дальнейшую жизнь без этих двух компонентов, будто если они исчезнут, то исчезнет и сама Вероника.

Как только Ника вошла в зал, Азия радостно закричала, вскакивая и кидаясь в объятия подруги:

— Здорово, Кэп! Я уже хотела за тобой поехать, чтобы притащить твой очаровательный зад на тренировку. И у нас тут новенькая, — последнюю фразу Юми заговорщически прошептала.

Ника повернулась и заметила, что на скамейке сидит худенькая высокая девушка с темно-каштановыми волосами, собранными в высокий хвост, с лицом в форме сердца и большими миндалевидными глазами. Незнакомка ковыряла носком щель в полу, как несколькими часами ранее делала сама Ника в больнице.

— Новенькая... Как зовут?